

ДЕЛА и ДНИ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

1920.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ПЕТЕРБУРГ.

Воспитание и домашнее обучение в России в XVIII в.

(Глава из исследования «Русская провинция во второй половине XVIII в.»)

I.

В XVIII в. в России было чрезвычайно мало способов дать детям какое либо образование; Московская Русь не оставила империи никакого аппарата, приспособленного к такой цели. Немногочисленные школы, существовавшие в XVII ст. всегда в тесной связи с приходскими церквями, не преследовали в области знания целей более широких, чем дать знание грамоты и самых первых начал счисления; ученье в них велось исключительно по книгам св. писания и богослужебным. В 1682 г. основана была славяно-греко-латинская академия. По первоначальному проекту она должна была служить интересам всей „мудрости-науки“, не различая науки духовной от светской, но широко задуманный план не осуществился, и академия стала вполне духовным учебным заведением¹⁾; в течение первой половины XVIII в. к прежним училищам при церквях присоединилось 10—15 семинарий. Первые светские учебные заведения появились при Петре Великом, когда в нескольких городах открыты были цыфирные или гарнизонные школы; в 1721 г. при учреждении Главного Магистрата ему вменено в обязанность озаботиться, чтобы во всяком городе учреждено было училище, но до середины 60-х годов, как заявляет наказ Главного Магистрата в комиссию 1767 г., ни в одном городе училища открыто не было. Все вновь заводившиеся светские учебные заведения устраивались на принципе строго сословном, так что, напр., дворянам формально запрещалось отдавать своих детей в гарнизонные школы²⁾; задачей своею все светские школы имели сообщать лишь самые первоначальные сведения, необходимые для офицеров армии и флота, распространять же образование в более ши-

¹⁾ *Рождественский*, Очерки по истории систем народного просвещения в России XVIII—XIX в. Спб. 1912, 2, 3; о до-петровском воспитании и обучении, *Ключевский*, Два воспитания—Очерки и речи, М. 1913, 216—247.

²⁾ *Владимирский-Буданов*, Государство и народное образование в России XVIII в., ч. 1, Система профессионального образования (От Петра до Екатерины), Ярославль, 1874; то же, ч. 2, Государство и народное образование в России с XVII в. до учреждения министерств—Журн. Мин. Нар. Пр. 1874 и отдельно, Спб. 1874; *Милоскоз*, Очерки по истории русской культуры, ч. 2, изд. 1899, 276—309, 286; Наказ Главного Магистрата—Сб. Русск. Истор. Общ., т. XLIII, 243.

роком смысле слова не входило в их задачу. Но и такому назначению они удовлетворяли плохо; Татищев говорит, что математические школы, в течение 30-летнего своего существования, едва ли выпустили двух-трех человек, основательно обученных математике, а Бецкий в 1764 г. писал, что в течение всей первой половины XVIII в. от существовавших тогда в России учебных заведений „мало, буде не совсем ничего, существительных плодов собрано“¹⁾. Общество, со своей стороны, по крайней мере до середины столетия, сознавало потребность образования еще очень мало и уделяло ему внимание лишь постольку, поскольку требовалось образование правительством.

При преемниках Петра о народном образовании заботились еще менее и до середины века все, что было в этом отношении сделано, сводилось к открытию гимназии при Академии Наук в 1726 г. и Шляхетского сухопутного кадетского корпуса в 1730 г.; в корпусе этом должны были получать воспитание и обучение 300 будущих офицеров, причем половина вакансий предназначена была для уроженцев прибалтийских губерний. В корпусе учение шло еще более или менее правильно, но гимназия при Академии влчила по истине жалкое, почти незаметное существование. В год ее открытия в нее поступило 112 учеников, в следующем году—58, в 1728 г.—всего 26; в 1729 г. приняты были особые меры для привлечения новых учеников, и их набрано было 74; но в 1730 г. опять поступило только 14; число учащихся в гимназии стало вообще быстро падать с открытием Шляхетского корпуса: в 1737 г. их было всего 19, в 1738—13, в 1739—33, и на такой приблизительно цифре держалось до конца века. Преподавание поставлено было весьма неудовлетворительно: выработанной программы не было, занятия шли неаккуратно, в иные дни в гимназии не оказывалось ни одного ученика; в 1764 г. из 13-ти учеников, учившихся в первом классе, во второй переведено было только четверо, из 10-ти учеников второго класса в третий, последний, тоже только четверо²⁾. В 1755 г. одновременно с университетом открыта была гимназия в Москве, в 1758 г.—в Казани, и в них число учеников долго считалось только десятками³⁾. В течение всей первой половины века у нас не было ни одного женского учебного заведения, только в 1764 г. открыт был институт для благородных девиц; он остался и до конца века единственным казенным женским учебным заведением; за все царствование Екатерины II из него выпущено было 850 девушек; в среднем, значит, выходило их в год по 25, т.-е. по одной на 700—800.000 населения империи, но все же благодаря Екатерине в русской семье впервые появилась образованная женщина⁴⁾. В Комиссии 1767 г. раздавались заявления о необходи-

¹⁾ *Татищев*, Разговор о пользе наук, М. 1887, 115; Полн. Собр. Зак., 22 марта 1764, № 12103, т. XVI, стр. 669; *Рождественский*, 124—151.

²⁾ *Фр. Д. А. Толстой*, Академическая гимназия в XVIII ст.—Прил. к LI т. Зап. Ак. Н., Спб. 1885, 4—6, 10, 13, 40, 85; *Рождественский*, 155—195.

³⁾ *Шевырева*, История Моск. университета, М. 1855; *В. Владимиров*, Историческая записка о 1 Казанской гимназии, Каз. 1867.

⁴⁾ *Демков*, История русской педагогики, М. 1913, II, 384; *Каптерев*, История русской педагогики, II. 1915, 242 и след.; *Милуков*, 297.

мости учредить школы по городам, об этом говорилось и в 35-ти дворянских наказах—из общего числа их 158—и в 10-ти наказах от городов. Но тон всех этих заявлений не дает оснований сказать, чтобы к этому вопросу был проявлен сознательный и живой интерес. Свои пожелания дворяне выражали то без всяких дальнейших пояснений, то с рассуждениями, что „ничто в жизни честного шляхетства не может быть столь полезно и для интересов государства потребно, как знание наук, составляющих в человеке целость его собственного благоденствия и пользы государственной“; в большинстве просьб об учреждении школ ничего не говорится о характере и объеме преподавания в них; иным дворянам „самонужнейшими науками“ представлялись „фортификация, артиллерия, инженерия и архитектура“; само собою разумеется, что по мнению дворян и эти школы, как все прежние, должны были быть непременно сословными ¹⁾. Со времени губернской реформы „попечение и надзирание о установлении и прочном основании школ“ лежало на приказах общественного призрения, которым предложено было озаботиться и открытием училищ не только в городах, но и во многолюдных селениях, и снабжать их книгами ²⁾. В провинции стали с этого времени появляться школы, содержимые на средства, пожертвованные частными лицами или собранные местным обществом; такие училища были устроены, напр., в Твери, в Ярославле; но более живое отношение к народному образованию наблюдалось не везде: в Казани, наоборот, через пять лет после перехода в ведение приказа, закрылась, за недостатком средств, гимназия, существовавшая уже более 25 лет ³⁾. Прочные основы всеобщего народного образования в России были заложены только в 1782 г., когда, 7 сентября, был подписан указ о заведении народных училищ в 25 губерниях, а 5 августа 1786 г. утвержден для них устав ⁴⁾.

Недостаток учебных заведений, содержимых на казенный счет, возмещался до некоторой степени частными пансионами. До последней четверти века они имелись только в столицах; но после того как губернская реформа привела к тому, что и в провинциальных городах стало селиться немалое число семейств из того круга, в котором образование все таки почиталось более или менее необходимым, частные пансионы начали появляться и в других городах, напр., в Тамбове, Екатеринославе, даже Богородицке; иногда, впрочем, они имели всего каких нибудь пять, шесть учеников ⁵⁾, да и таких-то пансионеров было

¹⁾ *Рождественский*, 283—284; 286—287; 281—306; Сборник, т. LXVIII, 116, 117, 180, 137, 150, 196, 237, 276, 526, 549, 611, 658 и др.

²⁾ *чр. Д. А. Толстой*, Городские училища в царствование Екатерины II—Сб. отд. русск. яз. и слов. Ак. Н., т. XII, № 2, Спб., 1886, 2, 99—100.

³⁾ Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы, ч. IV Спб., 1790, 210—211; *Трефолев*, А. П. Мельтинов—Рус. Арх., 1865, 891—892; *Владимиров*, 6; *Кантерев*, 269—271;

⁴⁾ Поля. Собр. Зак., № 16420; *Толстой*, Городские училища, 99—100; его же, Взгляд на учебную часть в России в XVIII в. до 1782 г.—Сб. отд. русск. яз. и слов. Ак. Н., т. XXXVIII и отдельно.

⁵⁾ *Зуев*, Путешественные записки. Спб. 1787, 217; *Державин*, Сочинения, изд. Ак. Н., V, 533; *Волотов*, Записки, III, 768.

все таки немного. В Петербурге в 1781 г. их оказалось всего 26 с 820-ю учениками, в числе которых русских было 370, остальные же 450 были детьми проживавших в столице иностранцев; преподавателей в этих пансионах оказалось 50 немцев, 20 французов и 10 русских, всего 80; ровно половину всего числа составляли учителя танцев и рисования ¹⁾. В Москве в 1786 г. было 17 низших казенных училищ и 18 пансионов, содержимых частными лицами. О положении этих пансионов мы знаем очень мало, но можно сказать утвердительно, что преподавание в них было поставлено только в зависимости от личных вкусов и познаний содержателей; в пансионах для девочек, напр., обучали французскому языку, географии, истории и арифметике, или „нравоучению, истории, географии и, по желанию родителей, арифметике, музыке, танцам, рисованию, доброму домостроительству и прочему, что потребно к воспитанию честных женщин“ ²⁾, таким образом ни русский язык, ни закон Божий не входили в программу, по крайней мере, большинства этих пансионов. Существовали уже в первой половине века разные постановления, определявшие порядки надзора за такими частными учебными заведениями и вообще за деятельностью иностранцев, занимавшихся преподаванием и воспитанием, но фактически надзор этот не налаживался—по крайней мере Академия Наук представляла Комиссии 1767 г., что необходимо установить „действительное наблюдение“, чтобы воспитание и обучение юношества не попадало в руки приезжих иностранцев, непригодных к этому делу ³⁾.

При таком недостатке учебных заведений значительное большинство молодых людей принуждено было у нас в XVIII в. ограничиваться домашним образованием.

Учить мальчиков начинали обыкновенно лет с 7-ми, но иногда и раньше, даже по 5-му году. Первоначальное обучение они получали обыкновенно от крепостных дядек, реже — от когонибудь из домашних. Крепостные так часто бывали первыми учителями детей и в домах людей не только совершенно достаточных, но прямо богатых, что такой способ обучения практиковался, очевидно, не по какимлибо экономическим соображениям, а просто как наиболее естественный; может быть, играло тут роль и то обстоятельство, что иногда крепостной человек оказывался лучшим грамотеем в доме. Первоначальное учение двигалось очень медленно; с одной стороны, приемы преподавания были крайне несовершенны, трудны, с другой—тогда соблюдалось такое множество праздников, что учебных дней в году набиралось немного более сотни ⁴⁾, и иногда года по два уходило на одно обучение чтению.

¹⁾ Доклад академиков *Эйлера, Лепехина, Крафта и Гилденштедта*—в Чтен. Моск. Общ. Ист. и Древ., 1866, IV, смесь 457—458, в статье „С. Г. Домашнев“.

²⁾ *Нелединский-Мелецкий*, Хроника недавней старины, Слб. 1876, 32.

³⁾ *Болотов*, I, 107—112; *Денисов*, Записки, — Русская Старина, 1874, т. XI, 22; *Лихачева*, Материалы для истории женского образования в России, Слб., 1899, 69; *Соловьев*, История России, изд. „Обществ. Пользы“, т. VI, 260.

⁴⁾ Сборник, т. XIII, 372.

⁵⁾ *Шевырев*, 60—61.

Читать учились—непрерывно с указкою—по букварю; сначала затверживали буквы, потом слоги и наконец уже переходили к чтению слов ¹⁾. В первой печатной русской грамматике Мелетия Смотрицкого, изданной в 1648 г., говорится: „издревле российскимъ дѣтводцемъ обычай бѣ и есть учити дѣти малыя въ началѣ азбуцѣ, потомъ часослову и псалтири, та же писати, по сихъ же нѣщцы преподають и чтеніе Апостола“,—такую же оставалась программа первоначального обучения и в течение большей части XVIII в. ²⁾; до последних десятилетий века не было книг для первоначального чтения детям. Только в середине 60-х годов начал Бецкий проводить мысль, что нет необходимости начинать ученье непременно с церковнославянской печати и по богослужебным или библейским книгам, и только в 1783 г. предписано было: в народных училищах, которые должны были впредь открываться, „начинать всегда с печати гражданской“, так как она „имеет пред печатью церковною то преимущество, что она как в чтении и в складах легче, так и в азбуке простее и короче“, а „в ученьи начинать должно всегда с самого легкого“ ³⁾; тогда же предписано было во вновь заводимых училищах пользоваться уже специально изданными руководствами, а не букварем и псалтырью, как прежде. Но в обществе привычка к старым учебным пособиям была очень сильна; кн. Б. А. Куракин находил желательным, чтобы к его детям, за образованием которых наблюдал Штрубе-де-Пирмонт—вероятно, кто нибудь из родственников академика—„для русского языка и слога“ был приглашен „знающий и прилежный человек“, с которым бы молодые люди и „читали с объяснением и церковные книги некоторые, потребные для сего“; „я бы желал, прибавляет он, чтобы дети чаще читали псалтырь, к оному знанию лучшее средство“ ⁴⁾. Сообщить сразу умение читать всякую книгу тогда признавалось невозможным, и учащиеся, непременно с помощью учителя, учились читать, в указанной последовательности, часослов, псалтырь и Апостол, и если почему либо этой последней книги с учителем прочесть не приводилось,—обучение чтению считалось неоконченным. Писать учили обыкновенно после псалтыри, но до Апостола; иногда заставляли детей писать сначала мелом по обожженной дощечке, перья же—конечно гусиные—и чернила—обыкновенно домашнего приготовления—давались им в руки уже позднее. Ученье, начатое дома, продолжалось иногда у соседнего священника или дьячка, или даже в ближайшем монастыре; у таких преподавателей дети часто исполняли мелкие работы по дому, собирали грибы, ягоды и т. п. ⁵⁾.

¹⁾ *Болотов*, I, 88; *Нелединский-Мелецкий*, 4; *Лопухин*, Записки. Рус. Арх. 1884, и отдельно. 3; *Левшин*. Домашний памятник. Рус. Арх. 1873, 835; *Фонвизин*, Сочинения, Спб., 1852, III, 530; *Этельгардт*, Записки М., 1867, 5; *Тимковский*, Записки, Русск. Арх. 1874, 1382 и др.

²⁾ Это подтверждает прямо и *Крестинин* в своей статье „Историческое известие о нравственном воспитании детей у Двинских жителей“,—*Новые ежемесячные сочинения*, 1787, ч. XVIII, 38.

³⁾ Руководство учителям первого и второго класса народных училищ, Спб., 1783, 29.

⁴⁾ Архив кн. Куракина, V, 232, 236.

⁵⁾ *Тимковский*, 1486; *Демисов*, 22.

Обучение по церковнославянским книгам проникнуто было особым духом. В объяснениях и толкованиях иных преподавателей уже сами по себе славянские наименования букв представлялись нравоучительными сентенциями: такие сочетания букв, как „вѣди, глаголь, добро“, „живете, земля, и, како, люди, мыслете“, „наш, он, покой“, „рцы, слово, твердо“, признавались выражением таких истин, что Бог ведает помыслы людей, что Он знает, как живут на земле люди и как они мыслят, что Он нас успокаивает, что человек должен держать свое слово твердо и т. д. ¹⁾ Часослов, и особенно псалтырь, употреблялись при первоначальном обучении не только, как книги наиболее распространенные и, следовательно, наиболее доступные: придавалось большое значение самому содержанию их: в детское сознание и из их текста внедрялось много наставлений общего характера, которые глубоко укоренились в душе, и надолго, если не навсегда, оказывали свое влияние на всю духовную жизнь тогдашних людей.

По адресу крепостных учителей, кажется, не встречается жалоб или упреков — повидимому, оказывалось возможным в первые наставники детям давать таких людей, которые их любили и были к ним добры, хотя знаниями обладали, конечно, очень малыми; но за то много жалоб вызывали те учителя, у которых приходилось детям учиться на стороне, и те, которых брали в дом родители, не желавшие расставаться со своими детьми. Так как молодые дворяне, обязанные все нести военную службу, должны были являться с некоторыми определенными знаниями — иначе родителей постигали серьезные бары, до ссылки в Оренбург, а самим молодым людям грозила перспектива службы во всю жизнь солдатами, без права получить офицерский чин, неграмотным же запрещение венчаться ²⁾, то родители могли держать своих детей при себе, и то не далее как до 16-ти лет, лишь под тем условием, что дети их и дома приобретут требуемые знания. Требования были так не высоки, что им можно было, действительно, удовлетворить и после домашнего образования, хотя почти всегда учителя, услугами которых приходилось ограничиваться, оказывались весьма неудовлетворительными. При отсутствии учебных заведений, конечно, совершенно не было и учителей с какою нибудь специальною подготовкою; заниматься преподаванием тогда чаще всего начинали люди, не имевшие возможности устроиться лучше, и иногда — просто люди, выбитые из колен; для такого дела казалось достаточным самого ничтожного запаса сведений — и Винский, поучившийся в Киевской духовной академии, но к преподаванию никогда не готовившийся, когда, потолкавшись несколько лет в гвардии и запутавшись в какую-то полууголовную историю, взялся затем во время ссылки за обучение детей, то оказался не хуже, а лучше очень многих других учителей, одновременно с ним просвещавших в провинции русское юношество. В половине XVIII в. в Оренбурге приходилось отдавать детей в обучение какому-то беглому каторжнику, который

¹⁾ Брусилов, Воспоминания, — Истор. Вестн., 1892, т. III, 47.

²⁾ Владимирский-Буданов, I, 204—214; Романович-Словатинский, Дворянство в России, Сиб., 1870, 125—127; Полн. Собр. Зак., №№ 2778, 2779, 28 февраля 1714 г.

учил очень безалаберно и плохо, и наказывал детей „самыми мучительными и даже неблагопристойными штрафами“; отец Болотова, командир одного из пехотных полков, не мог найти, в сороковых годах, к своему сыну лучшего учителя, чем немец унтер-офицер, который и знал очень мало, и преподавал еще хуже, и, как „человек крайне вспыльчивый и злой“, прямо тиранил своего ученика. Когда сам Болотов, в возрасте лет 14—15, проживая, уже сиротою, в начале 50-х годов в деревне, пожелал — пред тем как явиться на действительную службу — сколько нибудь освежить и дополнить свои познания по арифметике, геометрии и фортификации, ему не удалось найти другого учителя, кроме какого-то несчастного старичка, который, если и знал что нибудь в молодости, то все перезабыл, и имел несчастную склонность к запою, в припадках которого кричал „слово и дело“ и производил всевозможные буйства. Небогатый дворянин Хвостов, побывав в заграничном походе во время Семилетней войны, счел нужным непременно выучить своего сына по немецки и нанял учителя немца; но так как уплата ему жалованья составляла для небогатого помещика слишком чувствительный расход, то учитель этот принимал больше участия в надзоре за хозяйством, ученье же детей отошло на второй план и скоро свелось к тому, что мальчик, сопровождая учителя на гумно, сидел там, пока молотили хлеб, и твердил заданный урок — „страницы две из немецкого лексикона“. Левшин, родившийся уже в 80-х годах, рассказывает, что у них в доме в течение 16 лет сменилось 8 учителей, причем каждый „вводил свою методу и всякий ученье своего предшественника осуждал“; не очень короткое время был в этом доме учителем человек, оказавшийся форменным сумасшедшим. Протасьев говорит, что в 1785 г., когда ему было 12 лет, его отец пожелал учить его немецкому языку; отправляя обоз с хлебом в Москву, он поручил старосте нанять учителя-немца не дороже, чем за 150 руб. в год. Староста привез немца, нанятого за 140 р., он был, говорит Протасьев, плохой учитель, но славный переплетчик и великий мастер клеить бумажные баульчики, коробочки и т. п. Через год этот учитель был заменен другим, которому платили уже по 180 р. в год; этот кое чему все-таки учил, но хорошо умел только делать сыры, да играть на флейте. Через два года появился в доме третий учитель, который получал уже 225 р. в год; это был отставной квартирмейстер прусской службы, человек, по словам автора воспоминаний, „грубый, можно сказать, жестокий“; он сильно бил своего ученика, и однажды 15-летний Протасьев, выведенный из себя, сам отколотил его; учителя отпустили, ученье же молодого Протасьева на этом и кончилось. И. В. Лопухин русской грамоте учился у дядьки, учителем французского языка имел савояра, который совсем не знал правил языка, учителем немецкого — „берлинца, который ненавидел языка немецкого и всячески старался сделать его противным“ и своему ученику ¹⁾. И все это люди XVIII в. рассказывают вполне спокойно, как факты совершенно обычные, каковы они, оче-

¹⁾ Болотов, I, 61—72, 262—264; Державин, VI, 403; Левшин, 835, 839; Лопухин, 3. Протасьев — Записки в статье: „Страницы из старого дневника“ — Истор. Вестн. 1887, № 11, 408—424; Хвостов, Записки — Русск. Арх., 1870, 552.

видно, и были. Учителя скольконибудь удовлетворительные бывали только в семействах очень богатых, имевших возможность предоставлять преподавателям вполне хорошую обстановку и платить им большое вознаграждение. Любопытны письменные условия, какие в таких случаях стороны между собою заключали. Все, что касается положения учителя в доме — его жалованья, стола для него, платья, прислуги и т. д. — все это определялось с большою точностью, о преподавательских же и воспитательских его обязанностях говорилось обыкновенно в выражениях довольно общих. Так, напр., в одном подобном условии учитель принимал на себя „учить французскому языку с основанием и правописанию, арифметике и подобным приличным наукам, как хронологии, истории древней и временной (очевидно, *moderne*, т. е. по нашему словоупотреблению, новой), географии и познанию сферы, а также итальянскому и латинскому языкам, если будет требовано“; в другом условии учитель обязывался учить детей французскому и немецкому языкам и „славным манерам“, а так как „главное“ его наблюдение „должно простираться в приготовлении добродетели, то нравоучение между первым попечением будет“¹⁾.

Приемы и методы преподавания устанавливались, как и программа, просто по личному вкусу учителя и были весьма не совершенны. Вообще говоря — преподавание сводилось тогда почти исключительно к заучиванию текста учебника наизусть²⁾, каких либо толкований, объяснений или дополнений к учебнику учителями не делалось и просить их не позволялось: „объяснения могли последовать линейкой по рукам“³⁾; даже объяснения математических положений и приемы решения задач тоже предлагались прямо для заучивания наизусть. Один современник говорит, что за все время своего обучения он решительно ничего не понимал по арифметике, и когда ему задавалась задача то он просто наобум писал цифры, какие ему приходили в голову, ставил наудачу знаки разных арифметических действий — и робко подавал учителю; тот осыпал его бранью, стирал с доски написанное, сам решал задачу и приказывал мальчику переписать решение в тетрадь, которая затем показывалась отцу⁴⁾. При обучении новым языкам иной учитель заставлял детей выучивать страницы из лексикона, другой — списывать и заучивать статьи из Энциклопедии, третий — переводить с французского на русский Эзоповы басни, а с русского на французский — отрывки из газет; было также распространено затверживание на память фраз из какихнибудь „Домашних разговоров“; неудивительно, что в результате двухлетних занятий французским языком маль-

¹⁾ Образчики таких контрактов — у *Нелединского-Мелецкого* и в ст. *Дурина*, „Гувернеры в старину, в помещичьих семьях“, — *Истор. Вест.*, 1909, т. 117.

²⁾ В „Пане Халыевском“ *Квитки Основьяненко*, т. I, есть сцена ответа бойкого и плутоватого ученика, тараторящего набор совершенно безсвязных фраз, — сцена высококомичная, но, судя по тому, что известно о тогдашнем преподавании, вполне жизненная.

³⁾ *сп. Н. Н. Мордвинова*, *Записки*, — *Русск. Арх.*, 1883, 143.

⁴⁾ *Державин*, VI, 406; *Дмитриев*, *Взгляд на мою жизнь*, М. 1866, 13.

чик лет 10—12 знал несколько десятков французских слов и мог „писать с копировки“ (т. е. с прописей), но читать не умел ¹⁾). Только к концу века начинали иные сознавать, что одно заучивание наизусть недостаточно, что преподаватели должны разъяснять учащимся то, что предлагается им усвоить, и убеждаться, что оно им понятно и усвоено; в „Руководстве учителям“, вышедшем в 1783 г., предлагались методы преподавания уже значительно улучшенные по сравнению с прежними, и между прочим говорилось, что учитель должен стараться „более о образовании и изощрении разума, нежели о наполнении памяти учащихся“, и что „лучше“—но только еще „лучше“—если ученики будут „ответствовать своими словами, нежели теми самими, какие находятся в книге, ибо из того можно видеть, что они дело понимают“. Однако, учебник „О должностях человека и гражданина“, напечатанный тогда же и именно для употребления в этих самых училищах, составлен еще так, что представлялось почти необходимым заучивать его наизусть: изложен он—согласно общераспространенному тогда приему—в виде вопросов и ответов, и очень многие вопросы таковы, что ответить на них можно, только зная учебник на память ²⁾). Прием—требовать ответов, заученных наизусть, держался, однако, очень прочно и долго. Академик Севергин, уже в начале XIX в. посетивший училища Новгородской и Псковской губерний, говорит: „ученики везде почти учат уроки свои наизусть безо всякого понятия о том, что учат, и отвечают на предлагаемые вопросы на распев, даже в арифметике и делаемых ими на доске задачах. Учителя и ученики столь привыкли к сему распеву, что и те, и другие мешаются, коль скоро голос или образ вопроса или ответа переменяются“ ³⁾). Что же касается способов „более образовывать и изощрять разум учеников, нежели наполнять только их память“, то эти способы были еще очень и очень несовершенны—рекомендовалось, напр., для этого „почасту“ спрашивать о том, „не можно ли было бы сделать видимую ими вещь лучше или другим образом: не можно ли было бы печь сделать из дерева или из стекла, не мог ли бы у человека нос быть подо ртом или глаза на другом месте“ и т. п. ⁴⁾).

¹⁾ Хвостов, 551; Болотов, I, 110, 187; Денисов, 22; Домашние разговоры.—Dialogues domestiques,—Gespräche von Haussachen,—Colloquia domestica, Слб. 1749, печатано при Академии и под смотрением академиков.

²⁾ „Руководство“, 21; „О должностях человека и гражданина“, см. напр. стр. 249, 86—87; на последней, напр., к такому абзацу: „аптекарь делает лекарства только по предписаниям врача, и потому не должно даваться в обман площадному врагу, который столь бесстыдно всем себя называет, чем может он только обманывать дураков“—представлены, как руководство для учащихся, следующие вопросы: Кто делает лекарства.—Как делает аптекарь лекарства.—Кому в обман вдаваться не должно.—Чем называет себя площадной враг.

³⁾ Сухомятинов, История Российской Академии, Слб., 1878, IV, 69.

⁴⁾ Уморительная по комичности страница „Мертвых душ“, где Квеса Мокшевич занимается, по выражению Гоголя, „рождением зверя“, т. е. рассуждает о том, что было бы если бы, слон вылупился из яйца, и как толста была бы скорлупа такого яйца, можно ли было бы разбить ее выстрелом из пушки, или пришлось бы придумать другое орудие, не рисует ли результаты усвоения и применения такого приема?

II.

Русские люди XVIII в., даже наиболее просвещенные, понимали образование просто как обладание некоторым количеством самых разнообразных сведений. Мысль, что накопление знаний есть само по себе только путь, которым необходимо пройти, чтобы достигнуть настоящего образования, была, можно сказать, совершенно чужда тогдашнему обществу; с достаточной ясностью едва ли даже немногие понимали, что учение должно не исключительно обогащать память детей, но должно еще развить их мыслительные способности, их сообразительность, приучить их думать и рассуждать, и что умение самостоятельно и правильно относиться к ряду явлений или вопросов, с областью которых знакомит тот или другой учебный предмет, что известное воспитание, дисциплина ума, никак не менее важны, чем приобретение знаний. Еще менее понимали тогда, что в благотворным результатам ведут далеко не всякие сведения, а что необходим умелый выбор предлагаемого детям для усвоения: тогда думали, что любое знание, уже тем самым, что оно знание, и ценно, и полезно так же, как всякое другое. В представлении тогдашних людей действие образования на человека рисовалось, нам представляется, чем то вроде химической реакции: как эта последняя непременно совершается всякий раз, лишь только приходят в соприкосновение соответствующие элементы, так, по господствовавшему в XVIII в. взгляду, и человек, тем самым, что усвоил какое нибудь знание, усваивал и все те результаты, какие могло дать ему истинное просвещение. Конечно, такими словами своего отношения к знанию никто не формулировал, но только так можно его формулировать и только так можно его объяснить. В соответствии с таким взглядом тогда вовсе не считалось нужным, чтобы учащиеся прошли известный полный курс, усвоили определенный цикл учебных предметов. Программа домашнего обучения во всех своих подробностях—сверх требования, чтобы ученик знал арифметику и начала геометрии, да имел бы первые понятия о фортификации—зависела вполне от усмотрения того, кто руководил обучением ребенка; в академической гимназии, в течение первых 30-и лет ее существования, каждый ученик мог учиться лишь тому, чему желал, хотя бы и одному какому нибудь предмету¹⁾; только очень приблизительно определены были программы и Сухопутного кадетского корпуса и гимназий в Москве и в Казани. Положительно удивляют своею бессистемностью, несоразмерностью разных отраслей знания, предлагаемых для усвоения учащихся, и те мнения, которые были высказаны академиками в 1760 г. по вызову И. И. Шувалова, обдумывавшего в это время план создания в России гимназий и низших училищ. В академическом университете, по уставу 1747 г., „отправлялись“ следующие „науки“: 1) латинский язык, французский и немецкий; 2) просодия; 3) язык греческий; 4) латинское красноречие. Он был предложен в обширной статье о воспитании, напечатанной в „Прибавлениях к Московским Ведомостям“ на 1783 г. 168, в статье, еще в выгодном смысле отличавшейся между многими другими подобного же рода произведениями того времени.

¹⁾ Толстой, Академическая гимназия, 26.

речие; 5) арифметика; 6) рисование; 7) геометрия и прочие части математики; 8) география, история генеральная и геральдика; 9) логика и метафизика; 10) физика теоретическая и экспериментальная; 11) древности и история литеральная; 12) права натуральные и философия практическая и нравоучительная; не менее, чем это перечисление наук, оригинальны и указания порядка, в каком учащиеся должны были „принимать лекции“, по ним ¹⁾. С теми же взглядами на учење сталкиваемся мы и тогда, когда имеем дело с данными о том, как молодые люди из богатых фамилий были отправляемы для довершения образования за границу. Остановимся на некоторых подробностях.

В корпус принимались дети в возрасте от 5 до 9 лет; здесь они должны были провести 12 лет; их обучали в течение этого времени закону Божию, русской грамоте, языкам французскому, немецкому, началам латинского, истории, географии и математике—преимущественно тем ее частям, которые имеют связь с военным делом, т. е. геометрии и тригонометрии и артиллерийскому искусству; значительное внимание посвящалось танцам, фехтованию и верховой езде. Требования в научных предметах представлялись очень невысокие; о Пажеском корпусе, который желали поставить в смысле образования никак не ниже, чем Сухопутный Шляхетский, знаем, что в нем по латинскому языку считалось достаточным, чтобы ученик научился „читать, склонять, спрягать, положить правильно падеж и разуметь легкую мысль или надпись“, ибо—по обыкновению других народов неприлично благородному человеку, но еще в некоторых случаях и вредно, как то в путешествии и негоциации“ ²⁾. Вера во всемогущество образования и наряду с этим убеждение, что приобрести образование вовсе не трудно, прямо поразительны и, вместе с тем, и тот и другой взгляд, несомненно, господствовали в XVIII в. Вот как рисовал Бецкий те благие результаты, каких—по его убеждению—надо было ожидать от обучения в корпусе: „Когда кадеты выйдут из корпуса, навыкнув повелевать, зная все пространство и все подробности военного знания, зная, как повелевать и сохранить вверенную им как конную, так и пехотную команду, зная, как написать письмо, реляцию и прошение, на своем собственном и на иностранном языке, зная не только общие должности гражданина, но и обязанности своего отечества, зная, как вести себя по пристойности со своими начальниками и другими людьми, зная твердо географию, политику, мораль, арифметику и другие математические науки, когда получают сведения об истории и склоня к чтению книг об делах славных военных людей, как вести приход и расход для вверенного полка или корпуса—можно уже такое воспитание почесть достаточным, не требуя совершенства всех знаний“. Но если еще большой вопрос, насколько можно почесть такое воспитание достаточным, то и вовсе не может быть о том, правильно ли оценивали значение и важность отдельных отраслей знания люди, когда они считали за нечто равнозначущее и умение

¹⁾ Сухопутный, III, 54—56, 87—90, 329—335; II, 12.

²⁾ Сухопутный, Исследования и статьи по русск. литер. и проsv. Спб. 1889, I, 344.

написать письмо или реляцию и уметь сохранить вверенную воинскую часть, охоту к чтению и твердое знание морали, знание арифметики и знание политики. Но надежды Бецкого шли еще гораздо дальше, чем убеждение, что в корпусе будет даваться молодым людям „достаточное воспитание“: он думал, что молодые люди, окончившие в корпусе курс по начертанной им программе, будут способны: командовать армией и разбить неприятеля, после того—засесть в сенате и успешно решать важнейшие вопросы внутреннего управления или, удалившись в свои поместья, привести в порядок и улучшить и свое собственное хозяйство и хозяйство своих крестьян ¹⁾. В самом конце века кн. Щербатов в своем трактате „О способах преподавания разных наук“ начертывал для молодого человека, в возрасте от 8-9 до 17-18 лет, программу необычайно широкую, обнимающую программу трех университетских факультетов, без медицинского, но за то пополненную многими из курса специальных военных училищ, и полагал, что молодой человек, прошедши науки согласно этой программе, приобретет способность правильно судить о достоинствах и недостатках крепостей, разбирать походы великих полководцев, замечать ошибки в стиле зданий и даже получить охоту писать и печатать свои произведения ²⁾, хотя из такого курса юноша мог вынести лишь самые поверхностные знания и, может быть, склонность и смелость судить о том, чего он совершенно не понимает, но никак не мог приобрести основательности в знаниях и суждениях. Чрезвычайно легкими представлялись тогда успехи и во всяких искусствах. В уставе о воспитании благородных девиц читаем: „Для выщей своей пользы и взаимной забавы девицы, изображая подобие одна другой портретами, между собою дариться могут, также составлять на голосах и инструментах что ни есть новое. В первом случае приобретут они большее искусство в рисовании, а во втором в музыке“ ³⁾.

Такие же мысли, т. е. что все образование состоит лишь в усвоении вовсе не глубоких и не обширных, а только весьма разнообразных сведений, и что приобрести его и стать образованным человеком очень легко, ясно выступают, как уже сказано выше, и в тех случаях, когда молодых людей из богатых семейств отправляли заканчивать образование за границу. Вот напр., что писал кн. Хованский в инструкции, которою он снабдил гувернера, сопровождавшего двух его сыновей, 16-17—летних юношей, ехавших за границу доучиваться. „Я не указываю точно, какими именно науками должны они заниматься, но нахожу, тем не менее, нужным особенно указать риторику, логику и физику, затем право публичное и право естественное, с которым я соединяю и правоучение, так как эти две науки чрезвычайно близки одна к другой; сыновья мои должны также пройти курс юриспруденции и институции Юстиниана. Науки математические надо тоже усвоить, сколько можно более, особенно те, которые ближайшим образом относятся к военному искусству, каковы фортификация, тактика и др.; надо познакомиться и с навигацией, но что касается этой по-

¹⁾ Полн. Собр. Зак., 11 сент. 1766, № 12741, т. XVI, 959—992, особ. 976, 989.

²⁾ Кн. М. М. Щербатов, Сочинения, II, 439—662; Демков, II, 586.

³⁾ Полн. Собр. Зак., 5 мая 1764, № 12154, т. XVI, стр. 749—755, гл. II, п. 9.

следней, то достаточно, если они будут иметь о ней общее понятие. История, и в частности история политическая, рекомендуется вашему особенному вниманию. География тоже необходима, но я думаю что ее можно изучить на дому. Надо брать уроки искусств, каковы музыка, рисование, гражданская архитектура и l'art de tenir les livres. Сыновья мои должны также продолжать занятия языками—французским, немецким, английским и другими, если будет можно“. Кроме того, кн. Хованский желал, чтобы его дети занимались верховою ездою и фехтованием ¹⁾; само собою разумеется, что много внимания должно было быть посвящено обзору всяких достопримечательностей ²⁾—и на все это представлялось достаточным двух лет. Князья Александр и Алексей Куракины, ездившие в 70-х годах за границу для завершения образования, следовали тоже программе, очень не глубокой, но достаточной разносторонней. Занятия их были распределены так: по часу ежедневно занимались они языками—французским, немецким и латинским, историей, математикой и „правом“, по часу через день музыкой и фехтованьем; при этом сообщение одного из князей, что он „изучает Пуффендорфа“, в одном из дальнейших писем разъясняется, в том смысле, что он читает компиляцию из Пуффендорфа и Гроция И это было то образование, которое представлялось наилучшим и серьезнейшим, какого только можно желать ³⁾. Лишь в 80-х годах встречаем мы—и то, кажется, в кругу, ближайшим образом связанном с университетом, сознание, что занятия по программе такого рода в течение каких нибудь двух лет могут дать только внешний лоск и „бессмысленную способность участвовать в публичных разговорах“, но далеко еще не дают серьезного образования ⁴⁾.

Довольно интересные подробности о том, в чем состояло и как шло наилучшее в свое время домашнее обучение, сообщает Бутенев, рассказывая, как он, уже в первые годы XIX в., учился в доме Гончаровых, с братьями будущей жены Пушкина. Эти Гончаровы, сравнительно еще недавно вышедши в дворянство из купеческой среды и обладая очень большими средствами, старались всеми способами поставить себя в уровень с лучшими дворянскими фамилиями, и на воспитание и обучение детей у них было обращено большое внимание. При мальчиках жили у них в доме три гувернера-учителя, русский, француз и немец. Француз обучал детей, прежде всего, бегло говорить

¹⁾ Архив кн. Куракина, X, 352—354.

²⁾ Существовала и выдержала два издания—в 1761 и 1782 г.г. книжка: Достопримечательное в Европе, или описание всего, что для любопытного смотра в значительнейших местах Европы звать надлежит, сочинение Руд. Рота, с немецкого перевел Сер. Волчков.

³⁾ Говоря о воспитании и учении в частном быту, мы оставляем в стороне данные о воспитании в семействе гр. К. Г. Разумовского (*Васильчиков*, Семейство Разумовских), потому что по богатству Разумовских и близости их ко двору это обставлялось так, что было ближе к воспитанию владетельных князей, чем частных лиц, даже и очень богатых. Не касаемся также дацных и о жизни в Лейпциге той колонии молодых людей, в состав которой входили Радищев, Ушаков, Челищев, Олсуфьев и др.: это было устроено правительственною властью, а не по желанию или инициативе частных лиц.

⁴⁾ Прибавление к Московским Ведомостям на 1784, 427—430.

и правильно писать по французски; они прилежно читали историю Роллена и заучивали много стихотворений; кроме того, француз учил детей географии и несколько занимался с ними арифметикой; немец учил своему языку и затем истории, по немецкому учебнику Шрека, употреблявшемуся, в переводе, и как пособие при университетских занятиях. Русский учитель преподавал русскую грамматику, арифметику и географию, проходя два последние предмета значительно обстоятельнее, чем проходили их дети с учителем французом; он знакомил детей и с лучшими русскими писателями—Ломоносовым, Сумароковым, Державиным, Богдановичем, Карамзиным, но русскую историю дети проходили с французом по *Histoire de Russie, par Levesque*,—о таком же преподавании русской истории еще в 1789 г. вспоминает и Болотов. Учение мальчиков в доме Гончаровых продолжалось лет 6—, оно было не полно и поверхностно во многих отношениях, говорит Бутенев; разные учителя сами мало знали. Математика, физика и другие естественные науки, равным образом логика и философия, самые начальные, проходились слегка; о правоведении не было и помину. Я с грустью думаю, что таково было так называемое блестящее образование, какое давали в Москве; Петербург, вероятно, не превосходил в этом отношении Москвы. Что же было по губерниям и в семействах менее достаточных. „Домашнее“ образование было вполне домашнее, т. е. иноземное и во всех отношениях поверхностное“¹⁾. Много других свидетелей вполне подтверждают последнее замечание Бутенева. Кн. Ю. В. Долгорукий, родившийся в 1740 г., вспоминает, что все „науки“, преподававшиеся ему и его брату, „были единственно начальные, но усовершенствованы быть не могли по разным причинам—частых перемен учителей, и что рано были от оных отлучены, и так сами себе устроили правила“; И. В. Лопухин, родившийся в 1760-х годах, говорит: „на 17 году моего возраста кончилось мое воспитание; если я что знаю, то подлинно самоучкой“; Левшин, родившийся в 1788 г., пишет: „вот как проходила моя юность, вместо систематического толкового учения я большею частью развлекаем был домашними новостями, а более того псовою охотою“. Кн. И. М. Долгоруков, родившийся во второй половине века, на 15 году был отдан в последний класс гимназии при Московском университете; через год он слушал уже и университетские чтения; в то же время он продолжал учиться и дома. Но домашние его занятия вовсе не являлись углублением или расширением того, что преподавалось в университете: молодой князь частью, только еще в это время приобретал такие познания, без которых, кажется, совершенно бесполезно слушание университетских курсов, частью—занимался предметами, не имеющими ни малейшего отношения не только к университетскому, но и к какому бы то ни было образованию; вот что говорит он об этом времени: „я учился немецкому языку, учился два года и слова не затвердил; славный *Matécin* учил меня фехтованию—и я принялся за ремесло рубаки прекрасно; *Missoly* и *Grangé* выправляли мне ноги—и я плясал изрядно; старый артиллерийский

¹⁾ Бутенев, Воспоминания—Русск. Арх., 1881, III, 15, 17; Болотов, I, 111.

сержант занимал меня математическими упражнениями, но—грешный человек,—дошел до дележа и в пень стал у дробей“; кроме этого 16-летний студент учился еще музыке, рисованию, верховой езде и барабанному бою—из этих искусств он хорошо овладел только последним ¹⁾). И такая программа домашних занятий никого у нас в XVIII в. не поражала. В институте благородных девиц, основанном в 1764 г., воспитанницы разделялись на три возраста; в каждом возрасте учились они по три года; воспитанницы первого возраста занимались языками русским, французским и немецким, арифметикой, рисованием, танцами, музыкой и рукодельем; на втором возрасте к этим предметам прибавлялись еще история и география, а на третьем—еще „словесные науки, к которым принадлежит чтение исторических и нравоучительных книг“, и, наконец, „частью архитектура и геральдика“ ²⁾)—обучение русских девушек геральдике стоит, нам кажется, занятий студента университета барабанным боем. Когда в 1779 г. в Твери было учреждено „на общественное иждивение Воспитательное для молодых дворян училище“, то собранных в нем 120 дворянских детей предполагалось „при руководствующем их к благонавию воспитании под особенным надзиранием определенных воспитателей“, обучать: „исповеданию веры, по русски читать и писать и красноречию употребительного языка“—(Державин вспоминал, что когда учился он, то главною задачею было „научить говорить сколько нибудь по грамматике“, т. е. правильно)—затем, по французски и по немецки, арифметике, геометрии и фортификации, и особенно расположению полевых укреплений, истории, географии, рисованию, тактике, естественным, всенародным и государственным правам, музыке, танцевать, фехтовать, волтижировать и верхом ездить; сверх того, по моделям, нарочно для того сделанным, доставится им достаточное понятие о гидравлике, механике и архитектуре ³⁾). Характерно это нагромождение совершенно разнообразных предметов, а что по каждому предполагалось ограничиваться лишь самыми первоначальными, поверхностными сведениями—об этом достаточно свидетельствует то обстоятельство, что по архитектуре и гидравлике думали дать „достаточное понятие“ просто по „нарочно сделанным моделям“. Не лишнее, впрочем, здесь сказать, что немногим более, чем за полстолетие, и в Англии еще имели успех заведения, в которых предполагалось давать молодым людям образование по такой программе: языки латинский, греческий, еврейский, французский и испанский, конические сечения, геральдика, искусство наводить японский лак, фортификация, бухгалтерия и искусство играть на торбанае ⁴⁾).

Как общее правило, ученье заканчивалось тогда к 16-ти годам, и с этого возраста молодые люди обращались к той деятельности, какая кому пред-

¹⁾ *кн. Ю. В. Долгоруков*, Записки—Русск. Стар., 1889, т. LXIII, 481—517; *Левшин*, 839; *Л. Пушкин*, 3; *кн. И. М. Долгоруков* в Записки—у *Руссова*, Помещичья Россия по запискам современников, М. 1911; *Шурилов*, Ученые и ученики в России XVIII в.

²⁾ Полн. Собр. Зак. 5 мая 1764, № 12154, т. XVI, 742—755.

³⁾ Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов, ч. IV, Спб. 1790, 212; *Державин*, VI, 406—407.

⁴⁾ *Маколей*, История Англии, ч. VI, Спб., 1864, 190.

стояла по его положению. Купцы своим детям никогда не давали учиться даже и до такого возраста, а заставляли их принимать участие в торговле, „сидеть в лавке“, уже лет с 12-и, с 16-и, много с 17-и лет, являлись в службу и дворяне—до 1762 г. всегда в военную, а после освобождения от обязательной службы—одни в военную, другие—на придворную, третьи, наконец, на гражданскую. Эту последнюю можно было тогда начинать уже с 14-и, 13-и, даже с 10-и лет, и не мало известно примеров, что дети людей совсем бедных, поставленных в необходимость заботиться прежде всего о средствах к существованию, действительно, начинали заниматься какою нибудь письменною работою в канцеляриях уже с такого детского возраста ¹⁾. Далее 18-и лет учебные занятия продолжаемы были крайне редко и почти исключительно в тех случаях, когда молодые люди были отправляемы в образовательное путешествие, но возможность совершить его могли предоставить своим детям только очень богатые люди. Таким образом в огромнейшем большинстве случаев русские молодые люди заканчивали свое образование в том возрасте, в каком теперь учащиеся переходят в три высшие класса средних учебных заведений; им не приходилось для этого проделывать большей умственной работы, чем та, какая нынче нужна, чтобы достигнуть шестого класса среднего учебного заведения, не приобретали они, при этом, даже и такой суммы знаний, какую дают теперь учащимся первые пять классов средней школы—ниже, на рассмотрении тогдашних учебников это будет показано с недопускающею сомнений очевидностью,—и после такой то умственной работы выходили тогда молодые люди в жизнь, должны были разбираться в самых сложных вопросах действительности и решать все те задачи, какие жизнь ставит человеку; можно ли удивляться, что слишком часто оказывались они бессильными найти удовлетворительные решения и ответы...

На учение девочек обращалось внимания еще гораздо менее, чем на учение мальчиков, и в первой половине века было очень много дворянок неграмотных,—но тогда и во Франции и в Германии женское образование стояло на самой низкой степени: „странно, говорит Фенелон, что мы обыкновенно видим разумных и просвещенных женщин, не умеющих хорошо читать“ ²⁾. У нас еще в начале второй половины века встретить девушку, сколько нибудь интересующуюся чтением, представлялось в среднем обществе почти невозможным. В последней четверти века девочек начинают учить уже наравне с мальчиками, но несомненно, что учению их придавалось меньше значения, чем учению мальчиков, что посвящалось ему меньше внимания, и что прекращалось оно раньше. К концу века в сколько нибудь достаточных семействах в программу воспитания девушек стала почти обязательно входить

¹⁾ *Де Пуле*, Очерк культурно-биографической хроники (Второвы),—Рус. Вест. 1875, март, 497; *Геттинг*, Записки,—Истор. Вестн., 1880, т. I, 28; *Маевский*, Мой век (Записки),—Рус. Стар., 1875, т. VIII, 130; биография И. А. Крылова—в Русском Биографическом Словаре, и др.

²⁾ *Biedermann*, Deutschland im XVIII, I. В. II, 524; „О воспитании девиц, г-на Фенелона“, пер. И. Туманский, М. 1782, 206.

и в провинции музыка; Болотов не раз вспоминает, что он с женою заботился о том, чтобы обучать своих дочерей танцам и музыке „для придания большого совершенства их природным дарованиям“; Смирнов говорит, что в начале XIX в. считалось необходимым для образованной девушки „говорить по французски и играть на фортепиано, но и то и другое не в совершенстве“, „ученое же образование“ их ограничивалось, по его словам, знанием грамматики и арифметики ¹⁾).

Общий характер обучения детей, определяемый характером всей тогдашней образованности и умственными привычками времени, не изменился резко и к концу века, но, все таки, постепенно повышались и уровень требований, и достоинства учебников, а главное, увеличивалось число людей, действительно желавших дать своим детям доступное тогда образование, а не только учивших их лишь потому, что этого требовал закон. Существовавший еще и в первой половине века обычай помещать своих детей в какой-нибудь чужой дом, где были им сверстники, и где представлялась возможность чему-нибудь научиться, во второй половине века не только не ослабел, а, пожалуй, получил еще большее развитие ²⁾; иногда помещики, проживавшие в деревне, отдавали детей в пансионы в ближайшем городе или отправляли их жить в город, под присмотром какого-нибудь верного слуги, чтобы там учиться; к концу века явилась возможность иметь и лучших учителей, которые пошли бы жить в семейство; можно было найти учителя из числа молодых людей, учившихся в университете, а с ними уж ни в какое сравнение не могли идти те педагоги, услугами которых приходилось довольствоваться ранее ³⁾).

Этими замечаниями об учении русских детей в XVIII ст. мы и ограничимся; на ближайших следующих страницах рассмотрим педагогические приемы, тогда применявшиеся, и способы тогдашнего воспитания подробнее скажем об учебниках, тогда употреблявшихся.

Н. Д. Чечулин.

(Продолжение следует)

¹⁾ Смирнов, Воспоминания, мысли, труды и заметки, М. 1860, I, 19—20.

²⁾ Данилов, Записки, Спб., 1842, 26; Нелединский-Мелецкий, 4; Бутенев, 6; А. Смирнов, I, 3, Хвостов, 559 и др.; у Болотова постоянно жили и учились с его детьми чужие дети, иногда двое-трое, III, 117, 767—771, 830, 1088; IV, 344, 1150 и др.; такое же обыкновение распространено было и в Германии—Biedermann, II, 521.

³⁾ И. И. Дмитриев, 11—13; Энгельгардт, 8; Винский, Мое время, Спб. 1914; Тимковский, 1412; Шевырев, 106; Инструкция о воспитании—Рус. Стар., т. XXXI, 659—661.